

Ольга Лагутенко , доктор искусствоведения,
президент Украинской секции AICA (Киев, Украина).
Статья для каталога
"Анатолий Шелест. Странствия. Графика 1990-2000" .
Выставочный зал Альтен Бург, Кобленц, Германия, 2001

Рисунка нить... След тишины...

Искусство графики для Анатолия Шелеста органично как дыхание, как жест руки, сопровождающий движение мысли. Кажется, что способность чувствовать, анализировать, познавать мир и себя в этом мире реализуются мастером через рисунок, через след, оставленный на тонком листе бумаги. За каждым рисунком – жизнь, особое мироощущение, новая грань любви. Да, вероятно, любовь – та единая нить, которая пролегает через все работы художника, его многочисленные серии, различные по времени и пространству их создания.

Точка отсчёта графики Анатолия Шелеста – любовь по имени Марина. Многочисленные рисунки, выполненные тушью, гибкой стремительной кистью, отмечены необыкновенным вглядыванием художника в натуру. Удлиненные взволнованные линии наполнены пульсацией, в них телесное и духовное вплавлены, опрокинуты друг в друга в алхимии магнетизма. Художник следует движением кисти по абрисам форм, в мягкой плавности ритмов выявляет энергии инь, и в этой тотальной женственности он акцентирует нюансы, неповторимость.

В работах «Ню» поражает сочетание обобщённости образа и в то же время почти скрупулёзная точность в выявлении мельчайшего изгиба поверхности тела. В силу такой настройки глаза телесная форма воспринимается как прекрасный сосуд энергий, лучащихся, притягательных. В серии рисунков «Ню» художник не заполняет фон, не создаёт образ реального пространства. В чистоте бумаги проявляет себя образ мира как такового, символ пространства космоса, его невидимых структур. А телесное, данное крупным планом, максимально приближенное к зрителю – и есть о-веществление, проявление тех энергий, которыми наполнен весь живой мир. В самом близком, реальном, индивидуальном проступает нечто всеобщее, вечное, бесконечное.

Следующим творческим шагом художника стало создание серии работ, посвящённых танцу. В этих рисунках иной язык – динамичность линий, подчеркнутый ритм штриха и фактуры. В них ощутима пленительная стихия среды, как эмоциональной, так и психологической. Человек и среда находятся во взаимодействии как призыв и отклик, как звук и его эхо. Философский детерминизм, ощущение связанности меж собою всего сущего. Но в то же время танец реализует свободное, властное проявление личности того, кто волен танцевать. Рисунок наполняется движением, воздухом, рука художника проникается ритмом танца, его лёгкостью, принимает в себя и запечатлевает на бумаге его порыв, его характерность жестов.

В первой серии рисунков – зажигательные темпы украинского народного танца, вольница казацкая, фейерверк сил. Танец ради демонстрации жизнеспособности, удали, от избытка энергий – таковы работа Анатолия Шелеста, посвящённые Украине, колыбели его юношеских грёз и героических мифов. В древнем Киеве, с его неизбывной архаичной магией, с его сюрреалистичной, мистической аурой холмов, с его гоголевскими метаморфозами и булгаковской многослойностью, лежат истоки обострённо-интуитивного мироощущения Анатолия Шелеста.

Но потом, когда судьба привела художника в земли Средней Азии, в Узбекистан, в творчестве Анатолия появился иной танец - «Танец дервиша».

Танец как выход из обыденной реальности в иные измерения, экстаз слияния с надличностным началом, которое ведёт, которое колышет в танце, созвучном ритму бытия. В рисунках мастера линии изгибаются выразительным арабеском, не застывают, а струятся в белизне пространства, играют блеском мимолётности, как вспышки солнечных лучей, скользят по волнам океана.

Казалось бы, художник достиг апогея в желании и умении передать ощущение космоса в частном, непроявленного – в видимом. Но и этот этап оказался лишь одной из возможных граней в познании мира и житнетворчества. Далее был новый путь или иной интервал движения.

Художник избирает новый язык для своей графики, пластический язык монотипии. Если в рисунке всегда было ощутимо присутствие автора – его руки, дыхания, чувства, ритма его мысли, настроя его глаз, то в монотипии возникает ощущение, что автора нет. Рукой ведёт что-то надличное. Словно сама природа листа, поверхность доски, консистенция краски говорят своим языком через художника. Вспоминается утверждение Мартина Хайдеггера: «Язык мной говорит». Но язык монотипий Анатолия Шелеста – не просто игра фактур или текстур, не абстрактные композиции, это, как ни парадоксально, язык образов. Узнаваемых образов, восходящих к пластам прапамяти, к текстам Торе.

Как известно, в священной книге сакральны не только слова, но и буквы, которыми они написаны. Буквы, согласно древнему преданию, были орудиями Бога в процессе миротворения. В монотипиях художник с удивлением обнаруживает россыпи букв, нерукотворных, возникающих непреднамеренно. Как говорил Хорхе Луис Борхес, всякая поэзия в определённом смысле таинственна – не каждому удалось узнать то, что ему удалось написать. Образы в графике Анатолия Шелеста рождаются легко, как следы медитаций. В тишине, в бескрайности погружения или восхождения, в молитве, в недеянии, в смирении и умении услышать, рождаются письмена, которые потом разгадывает разум, питает традиция, запечатлённая в древних текстах.

Обращение к Торе стало результатом всего предыдущего духовного мистического опыта, обрётённого художником. В этом движении столько же органики, как в воспоминании изначально данного знания. А на уровне светского восприятия мы можем говорить о философичности графических произведений Анатолия Шелеста. При созерцании работ возникает ощущение, близкое тому, о котором писал Мераб Мамардашвили: «Источником всякой философии является удивление не хаосу, не беспорядку, не злу, не безобразию. Удивление вызывает (...) тот факт, что бывает порядок, бывает красота, бывает истина. Вот это и есть предмет и пружина философского удивления – как это возможно?».

В графике Анатолия Шелеста истина раскрывает себя через образы существующего мира, не через что-то абстрактное и ментальное, а через явления, в которых проявляет себя бытие. Вновь и вновь – пленительность линий, нитей, проявляющих пульсацию жизни, притягательность пятен краски и чистого свечения основ, на которых они возникают...

Ольга Лагутенко, Киев
2001